

Никитину, которому обещал свою помощь и академик Эрнштедт¹¹⁰. Работа была проделана большая, вся рукопись Порфирия была воспроизведена, по отзыву Бенешевича, «с точностью, которую можно назвать фотографической до излишества»¹¹¹, и тем не менее этот труд так и не был издан.

Никитин вместе с Латышевым и Эрнштедтом был членом комиссии по распоряжению и употреблению процентов с капитала профессора археологии и искусства Московского университета К. К. Гёрца (1820–1883). Капитал в 7000 руб. поступил в Академию наук от сестры ученого Э. К. Гёрц в 1895 г. Проценты с этого капитала предназначались в качестве вознаграждения за составление биографии Гёрца и на издание его трудов. После этого Академия наук могла употребить проценты с этого капитала на поощрение ученых трудов по классической археологии и другим наукам, которые были предметом занятий Гёрца: а) на выдачу премий за самостоятельные сочинения по этим наукам; б) на издание сочинений, представленных авторами в рукописи; в) на вспомоществование ученым путешествиям, раскопкам и другим ученым предприятиям. Полное «Собрание сочинений» Гёрца вышло под редакцией и с комментариями В. В. Латышева (9 выпусков: СПб., 1898–1901).

В 1915 г. Никитин был избран в члены постоянной комиссии по заведованию капиталом покойного почетного члена Академии И. Е. Забелина¹¹². В тех нередких случаях, когда на соискание премий не поступало ни одной работы, назначалась комиссия для поисков сочинения, достойного данной премии. Никитин был членом такой комиссии и трижды (в 1900, 1912 и 1915 гг.) подыскивал соискателя «премии действительного студента А. М. Кожевникова», присуждавшейся за грамматики и словари языков индоевропейского корня, кроме древнегреческого и латинского языков, а также для поощрения сочинения по индоевропейской филологии.

Курирование академических изданий

В Академии наук был принят обычай поручать филологам-классикам наблюдение за изданием греческих и латинских текстов, даже если они печатались не для целей классической филологии, а, например, для древней русской словесности или истории. По поручению Отделения русского языка и словесности Петр Васильевич принял участие в издании книги

¹¹⁰ Протоколы ОС. Общее собрание № 1. 20 января 1901 г. § 9.

¹¹¹ Цит. по: *Медведев И. П. А. И. Пападопуло-Керамевс: «Петербургские ночи» ученого грека (по неизданным документам и письмам)* // РН. С. 319.

¹¹² Протоколы заседаний ИФО. № XI. 7 октября 1915. § 267.

В. А. Семенова «Древняя русская Пчела»¹¹³. Внимание Семенова привлек вопрос о происхождении сборника поучительных изречений, известного под именем «Пчела». В Публичной библиотеке он нашел греческую рукопись одного из изводов сборника, сличил ее текст с русским, но многие части древнерусского текста остались без греческих оригиналов. «Не знаю, — писал Никитин, — какой советник, какая книга или какое чутье подсказывают неутомимому исследователю, что он должен поискать того, чего ищет, в одной из греческих рукописей Парижской Национальной библиотеки. Он берет на себя и этот труд. Текст рукописи оказывается ближе всех доселе известных к русскому тексту; и по составу и по порядку изречений он близок к последнему почти до тождества. Теперь, кажется, нельзя уже сомневаться в том, что «Пчела» не самостоятельная русская компиляция, а простой перевод готового греческого подлинника»¹¹⁴. В книге Семенова с древним русским текстом сопоставлялся греческий, в доказательство того, что он был переведен с определенного греческого подлинника.

Наблюдение за изданием Семенова было поручено академику А. Ф. Бычкову, а чтение корректур греческого текста адъюнкту Никитину. В 1892 г. Наука в своем представлении Никитина в экстраординарные академики ставит его участие в этой работе едва ли не выше его собственных научных заслуг. По словам Наука, Петр Васильевич «не ограничил и не мог ограничить своего участия в издании исполнением обязанностей корректора. Греческий текст, послуживший подлинником для русской Пчелы, сохранился во множестве редакций и списков, взаимные отношения которых оказываются очень запутанными. Петр Васильевич старался ознакомиться со всеми вариациями, какие были ему доступны, и избирая в каждом отдельном случае ту, которая точнее всего подходила к русскому тексту, пытался таким образом не только в общих чертах содержания и порядка, но и в частностях изложения восстановить греческий оригинал русского литературного памятника. Для этой цели он сопоставлял разночтения печатных текстов, носящих имена Максима Исповедника и Антония, одной Московской и одной Флорентинской рукописей, сличение которых были доставлены Семеновым, Стовея, некоторых мелких гномологиев, греческий текст Библии и тексты различных греческих писателей, отрывки из которых вошли в состав Пчелы. Убедясь в особой важности одной Парижской рукописи, которой раньше пользовался Семенов, Петр Васильевич в 1890 г. просил через посредство Академии о доставлении ее в Петербург,

¹¹³ Семенов В. А. Древняя русская Пчела по Пергаменному списку. СПб., 1893.

¹¹⁴ Никитин П. В. [Возражения на записку А. И. Георгиевского]. [СПб., 1889]. С. 20.

чтобы точнее с нею ознакомиться, и сличил с нею ту часть Пчелы, которая к тому времени была напечатана. Для того же издания по поручению Петра Васильевича магистром Крашенинниковым сличена одна рукопись в Венеции. Устройство книги Семенова не давало возможности помещать под текстом греческий критический аппарат, и Петр Васильевич мог лишь посредством известных условных знаков отмечать в тексте места, в которых отступил от источника, избранного Семеновым, в сторону показаний какого-нибудь другого свидетеля. Но он предполагает, когда печатание книги будет окончено, издать комментарий к ней, в котором приведет собранные им варианты и по возможности укажет те места греческих писателей, из которых заимствованы изречения Пчелы»¹¹⁵.

По сравнению с отзывом Наука излишне скромно звучит благодарность самого Семенова, выраженная им в предисловии к своему изданию Бычкову и Никитину «за их советы и указания во время печатания „Пчелы“». Отчасти это объясняется его обостренным авторским самолюбием: Семенов оберегал самостоятельность своего издания и был недоволен тем, что «с легкой руки Ягича» его работе дали название «академического издания». «Мне кажется, — объяснял он Никитину, — это не точно. Издание „Древнерусская Пчела“, по моему разумению, не может быть названо академическим в том смысле, в каком обыкновенно употребляют это слово, или, лучше сказать, это не академическое предприятие...»¹¹⁶ По настоянию Семенова его труд был напечатан без всяких дополнений и поправок, а Никитин так и не осуществил своего намерения издать комментарий к «Пчеле», о котором говорил Наука.

Когда Никитин в 1889 г. высказывался о пользе специализации на историко-филологическом факультете, в качестве примера он привел занятия Семенова. «Что помогло ему пройти этот долгий, извилистый путь исследования от древнего русского текста через дебри средневековой греческой письменности в сторону древнегреческой литературы? Я думаю — помогла сила увлечения раз избранным отделом науки. Может ли заменить эту силу казенный паек четырнадцати часов для всех желающих и не желающих обязательной классической филологии? Нет, такое увлечение, такая неутомимая энергия пылливости для огромного большинства возможны только при беспрепятственном сосредоточении на одной специальности»¹¹⁷.

¹¹⁵ Протоколы заседаний ОС. № V. 2 мая 1892 г. § 66.

¹¹⁶ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 56. Л. 1 об. Письмо В. А. Семенова П. В. Никитину от 17.05.1892.

¹¹⁷ Никитин П. В. [Возражения на записку А. И. Георгиевского]. [СПб., 1889]. С. 20.

По просьбе киевского историка Ю. А. Кулаковского Никитин курировал его работу «Стратегика императора Никифора»¹¹⁸. Этот памятник по истории военного дела в Византии Кулаковский обнаружил в Московской Синодальной библиотеке и в 1906 г. начал готовить его издание. Петр Васильевич, как это видно из писем к нему Кулаковского, приложил много времени и труда на «приведение в должный вид „Стратегики“», дал характеристику рукописи и указал Кулаковскому на важные не учтенные им издания. Кулаковский чувствовал «обязанность вновь и вновь благодарить» Петра Васильевича, стыдился «за свою поспешность», ощущал себя не только «школьником», но и «плохим школьником»¹¹⁹. В предисловии к своему изданию Кулаковский горячо благодарил Никитина за помощь и советы. Как показывают современные исследования, Кулаковский издал меньше половины сочинения и неверно определил авторство трактата: по видимому, оно принадлежит не императору Никифору, а одному из византийских военачальников¹²⁰.

Никитин принимал участие в редактировании греческих текстов, изданных членом-корреспондентом В. Э. Регелем во втором томе его книги «*Fontes rerum Byzantinorum*» I (1899, Т. 1. Fasc. 2). В 1898 г. А. А. Васильев заручился согласием Никитина наблюдать за изданием греческого текста публикуемого им Жития 42 Аморийских мучеников¹²¹.

Оценки деятелей науки и их трудов

Академическая деятельность требовала от Никитина еще одного рода работы — оценок деятелей науки и их трудов. К числу таких отзывов относится разбор сочинений, представлявшихся на соискание разных премий¹²². По словам математика А. А. Маркова, премии стали настоящим бедствием для Академии наук; число их постоянно росло, и к 1917 г. достигло полусотни. Наиболее известны премии П. Н. Демидова, гр. С. С. Уварова, митрополита Макария, К. М. Бэра, А. С. Пушкина, Д. А. Толстого,

¹¹⁸ Кулаковский Ю. А. Стратегика императора Никифора // Записки Имп. Академии наук. Сер. 8. 1908. Т. 8. № 9.

¹¹⁹ Иодко О. В. П. В. Никитин и его вклад в византистику. С. 154–155.

¹²⁰ См., например: Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. Т. 40. С. 57.

¹²¹ Васильев А. А. Греческий текст жития сорока двух Аморийских мученика по рукописи Парижской национальной библиотеки № 1534; ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 256. Л. 87–97: Корректурa работы Васильева с правкой Никитина.

¹²² Впервые денежные премии при Академии наук были учреждены П. Н. Демидовым 17 апреля 1831 г.